

УДК 141

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-3-4-73-79

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л. Н. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

© **Лагойда Наталья Григорьевна**

кандидат философских наук, доцент,

Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: aspdep08@mail.ru

В статье рассматривается своеобразие творческой деятельности Л. Н. Гумилева на стыке естественных и гуманитарных наук. Анализируется новаторство известного ученого в науке. Автором статьи подчеркивается, что в научно-теоретическом творчестве Гумилева отразилась переломная эпоха, характеризующаяся сменой парадигм в науке, стилей научного мышления и стилей изложения. Отмечается, что ученый придерживался принципа методологического плюрализма, что особенно проявилось в постперестроечные годы наступившей гласности и плюрализма мнений в науке. Учение Льва Николаевича аккумулировало в себе все основные тенденции научного познания современности, но при этом оно отнюдь не является эклектическим, а представляет собой концептуальную целостность.

Ключевые слова: этнос; этногенез; пассионарность; философия истории; неклассическая наука; постнеклассическая (современная) наука; синергетика; плюрализм; творчество; самобытность.

Сложность творчества Л. Н. Гумилева и трудности его исследования состоят в том, что он работал на стыке различных наук — естественных и гуманитарных — истории, географии, этнологии, широко привлекая данные геохимии, биофизики, астробиологии, исторической психологии и других комплексных научных дисциплин. Все свои обширные, поистине энциклопедические, знания (известно, что он защитил две докторские диссертации — по истории и географии) ученый посвятил исследованию в сущности одного объекта — этноса, его сущности и происхождения, места в общественной жизни и историческом процессе. Однако его подход к исследованию данной, казалось бы, узкоспециальной проблемы оказался настолько глобальным и универсальным, что позволил автору вторгнуться в решение сложнейших вопросов мировой науки — соотношения законов природы и общества, роли природных и социальных факторов в развитии человечества, тенденций цивилизации и культуры, движущих сил мировой истории, причин ее часто странных зигзагов и поворотов.

На эти и другие труднейшие вопросы науки Л. Н. Гумилев попытался дать собственные оригинальные ответы, основанные на новейших достижениях научного знания XX в. В творчестве Гумилева отразилась эпоха, характеризующаяся сменой парадигм в науке как в естествознании, так и в гуманитарном знании. Можно с полным основанием сказать, что все учение Гумилева об этносе и этногенезе построено в основном на принципах так называемой неклассической и постнеклассической науки 20-го столетия, которая пришла на смену классической науке XVII–XIX вв. При этом ученый не игнорировал выдающиеся научные достижения прошлого, а использовал их в своих работах.

На первый взгляд, поскольку главный объект его исследований — этногенез, ученого надо рассматривать как этнолога. Так начинали многие авторы (Бромлей, Итс, Козлов, Крюков и др.), подобным образом рассматривают учение Гумилева некоторые оппоненты до сих пор. Поскольку Гумилев изначально основательно занимался историей (в основном древней и средневековой — народов Евразии), некоторые авторы (Артамонов, Дьяков, Семенов и др.) пытались рассматривать его как историка. Наконец, группа авторов (Ефремов, Покшишевский, Семеновский и др.) причисляла Гумилева к географам, поскольку он являлся доктором географических наук, членом Географического общества СССР, напечатал под грифом последнего многие свои работы.

Так, кем же был Гумилев по своей основной специальности? Как определить его место в системе научного знания? Попробуем дать свой ответ на поставленные вопросы. На наш взгляд, хотя Гумилев действительно был профессиональным историком, географом и этнологом, проявил он себя не только как разносторонний ученый, но вместе с тем как самобытный философ [1, с.71]. Он внес несомненно крупный оригинальный вклад в разработку многих философско-методологических проблем, особенно в области философии истории (историософии). Между тем уже первые выступления ученого по проблемам этногенеза, его сущности, факторах, месте в историческом процессе привлекли внимание известных философов — Б. М. Кедрова, И. А. Кривелева, Ю. М. Бородея и др. [2, с. 88].

Но не это главное. Основное состоит в том, что когда Гумилев опубликовал свои важнейшие теоретические работы (прежде всего фундаментальный труд «Этногенез и биосфера Земли»), стало ясно, что Гумилев является не «однопрофильным», а по сути энциклопедическим ученым, который, исследуя сложнейшую междисциплинарную проблему этногенеза, подошел к ее решению с позиций ряда естественных и гуманитарных наук, одновременно поставив и по-новому рассмотрев ряд коренных проблем социальной философии и философии истории.

Таким образом, в научном творчестве Гумилева органически слились искусство эмпирического исследования и глубокое теоретическое обобщение изучаемого материала, его философское осмысление. Не случайно, как уже выше отмечалось, сегодня его имя и творческая деятельность выделяются отдельной рубрикой в современных философских словарях¹. Ему посвящена большая статья в словаре-хрестоматии «Философы России XIX–XX вв.», выдержавшем несколько изданий².

Гумилев, конечно, не был профессиональным философом, но он безусловно принадлежит к числу выдающихся ученых-философов, чье научное творчество приобрело большое философское значение. Ломоносов, Сеченов и Павлов, Тимирязев и Менделеев, Вернадский и Капица, Чижевский и Циолковский и другие — все они были не только крупнейшими учеными-новаторами, но их научные открытия и теории явились одновременно вкладом в философскую мысль, способствовали ее развитию и обоснованию.

¹ Русская философия. Словарь / под общ. ред. М. А. Маслина. М., 1995. 655; Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. 896 с.

² Философы России XIX–XX столетия. Биографии, идеи, труды. 2-е изд. М., 1995. С. 303.

Научная деятельность Л. Н. Гумилева развернулась на рубеже неклассической и постнеклассической (современной) науки. И этот момент важен, ибо Гумилев как творческий ученый сумел быстро воспринять новые парадигмы науки XX в., в то время как многие его коллеги продолжали исповедывать устаревшие парадигмы классической науки.

Разработанная Гумилевым новая научная концепция философии истории не только базировалась на принципах постнеклассической науки, но и была первой теорией в общественном знании, построенной на подобных принципах. Новаторство Гумилева здесь выразилось в том, что он впервые создал концепцию социально-исторического развития общества как междисциплинарную, на базе синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания. «Наряду с дисциплинарными исследованиями, — пишут отечественные науковеды, — на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности» [3, с. 298].

Выше уже отмечалось, что постнеклассическая наука, начиная с квантовой механики, не требует в отличие от классической науки очевидных оснований, не требует и их опытного подтверждения, но у нее должны быть работающие следствия, к тому же обладающие предсказательной функцией. Она отступает от принципов жесткого детерминизма и вводит категорию случайности наряду с категорией необходимости, изменяет идеалы и нормы доказательства и обоснования знания.

В полном соответствии с этим Гумилев неоднократно говорил своим оппонентам, в частности историкам, что он не должен, как того требует традиционная историческая методология, отправляться от историографии и строго следовать историческим фактам. Более того, он подчеркивал, что при отсутствии таковых, ученый имеет право на логическую систему доказательств. Возражая своим критикам-историкам, в частности, по вопросу о роли пассионарности в эволюции этносов, Гумилев подчеркивал, что здесь он выступает как представитель естествознания, исходит из действия природных, а не социальных факторов, что предполагает другую методологию, которая отличается от исторической.

Отметим еще один важный момент, связанный с новой методологией постнеклассической науки, который использовал в своих работах Гумилев. Речь идет о том, что для современной науки второй половины XX в. является обязательным включение аксиологических (ценностных) факторов в состав объясняющих положений теории. Современная теория согласно постнеклассической науке представляет собой синтез фундаментальных внутринаучных ценностей с вненаучными ценностями общесоциального характера, а само научное познание начинается рассматриваться в контексте конкретных социальных условий и его социальных последствий¹.

Уже говорилось, что Гумилев по-новому подошел к разработке проблем общественно-исторического развития, рассматривая исторический процесс как междисциплинарную проблему, для решения которой необходим синтез естествознания и гуманитарного знания. Поэтому он включал природные детерминанты общественного развития непосредственно в состав теории социального развития в качестве необходимых элементов. И точно так же в состав социаль-

¹ Философы России XIX–XX столетия. Биографии, идеи, труды. 2-е изд. М., 1995. С. 303.

ной теории в качестве ее неотъемлемых компонентов он вводил психофизические детерминанты человеческого поведения. Таким образом, поведение людей из психологической категории, как это было в классической науке, он переводил в разряд социальных, социологических и исторических явлений и понятий.

Новаторство Гумилева в науке проявилось также в том, что он одновременно выступил против двух устоявшихся парадигм: во-первых, изолированности гуманитарного и естественно-научного знания друг от друга и, во-вторых, господствовавшего в советское время марксистского подхода к анализу общественной жизни как единственно правильного и научного [1, с. 73]. О первом моменте уже говорилось, коснемся второго. Многие авторы считают, что здесь Гумилев поступал двурушнически, камуфлируя свои взгляды под естественно-научные, чтобы избежать прямого столкновения с постулатами исторического материализма. Может быть, это и так. Но в то же время из ряда его заявлений понятно, что Гумилев надеялся создать новую парадигму в марксистском обществознании, а не отвергал его категорически [4, с. 105].

Еще один важный момент. Автор теории этногенеза в полном соответствии с постструктурализмом стремился преодолеть грань между так называемой серьезной литературой (философской, исторической, научной) и художественной литературой (в смысле стиля изложения текста). Отсюда эмоциональная насыщенность его работ, стремление установить чувственно-эмоциональный контакт между автором и читателем. Один из критиков Гумилева этнограф Итс писал, что он читал главный теоретический труд ученого, названный им трактатом, как научно-фантастический роман. Хотя Гумилев не был в достаточной мере знаком с синергетикой, но интуитивно применял некоторые ее идеи в своей познавательной деятельности, в частности, в обосновании своей теории этногенеза. Об этом говорит, например, то, что он считал возникновение, развитие и гибель этносов как стихийный процесс. При этом он отводил немало места в этногенезе роли случайности, вероятности, стохастичности (т. е. случайности и вероятности). Фактически ученый стоял на точке зрения необратимости процессов эволюции, развития. Для этноса (как сложноорганизованной целостной системы) он признавал не единственность, а множественность путей развития (многовариантность, альтернативность). В духе синергетики он также считал, что этносу как сложноорганизованной системе нельзя «навязывать» пути развития, ибо он подчиняется собственным тенденциям развития. Наконец, Гумилев был убежден, что для развития этноса (как сложноорганизованной системы) возможно решающее влияние и малых событий, действий на общее течение процесса. В частности, он фактически развивал синергетическую идею о том, что в любых состояниях неустойчивой социальной среды действия каждого отдельного человека могут влиять на макросоциальные процессы. (Сюда вписывается и роль одиночек-пассионариев).

Известно, что для постнеклассической науки характерен методологический плюрализм, т. е. осознание ограниченности, односторонности любой методологии, в том числе рационалистической (включая диалектико-материалистическую). Этот принцип удачно выразил американский методолог науки Пол Фейерабенд в афоризме: «Все дозволено» («познавательный анархизм»). Еще в 1920–1930-х гг. великий физик В. Гейзенберг говорил о том, что нельзя ограничивать методы своего мышления одной-единственной философией. В современной науке признано, что нельзя ограничиваться лишь логикой, диа-

лектикой и эпистемологией (хотя их значение велико), а еще больше, чем раньше нужны интуиция, фантазия, воображение и другие подобные средства постижения действительности. В этом плане научная деятельность Гумилева была ярким примером методологического плюрализма (который, конечно, не предполагает эклектическое соединение взаимоисключающих методологий).

Конечно, творчество Гумилева как ученого протекало в сложнейших условиях. Не возвращаясь к ранее сказанному, отметим лишь один момент. Как ученый, тем более как гуманитарий, историк, он должен был безусловно признавать и применять вменявшуюся как догму в советское время в качестве единственно научной методологии диалектического и исторического материализма (говоря шире — марксизм). И Гумилев формально все это признавал, более того, часто отмечал, что те или иные его утверждения находятся в полном согласии с марксистской методологией, даже с теми или иными конкретными высказываниями Маркса и Энгельса, которых он часто, как и все, цитировал.

Но фактически Гумилев при всем этом развивал и отстаивал свои собственные концепции. Это касается прежде всего его достаточно определенных утверждений о несоциальном (природном) характере этноса, которая резко расходилась с доминировавшей в те времена отечественной этнографии точкой зрения об исключительно социально-исторической природе этноса, о том, что процесс этногенеза в конечном счете обусловлен социально-экономическими, а не природными факторами.

Ясно, что в условиях идеологического диктата, жестко охранявшегося партийной номенклатурой, Гумилев, 14 лет проведенный в гулаговских лагерях для якобы «идеологической перековки», с величайшим трудом став профессиональным ученым, профессором ЛГУ, не мог открыто выступить против методологического единомыслия и монизма. Поэтому часто он поступал «по-эзоповски», замаскировано: формально признавая марксистские постулаты, он в своих работах тем не менее (причем достаточно смело и определенно) проводил собственные концепции, не уступая «ни пяди» своим официальным критикам и оппонентам и лишь частично смягчая некоторые свои категорические суждения.

В целом же, как представляется, Гумилев придерживался принципа методологического плюрализма. И это особенно проявилось в постперестроечные годы наступившей гласности и плюрализма мнений в науке. Но, к сожалению, это уже были последние годы жизни ученого, после краха идеологического диктата партии в науке, его концепции и взгляды получили общественное признание, а сам он получил широкие возможности популяризации своей теории в научных, общественно-политических, художественных журналах через телевидение и радио, в многочисленных публичных выступлениях и интервью.

Известно, что для постнеклассической науки характерно неуклонное ослабление требований к жестким нормативам научного дискурса (логического, понятийного компонента) и усиление роли внерационального компонента (правда, не за счет принижения, а тем более игнорирования роли рациональных методов познания). На эту важную особенность, ярко проявившуюся в науке XX в., неоднократно указывал академик В. И. Вернадский, чьим учеником и последователем всегда считал себя Гумилев. В частности, Вернадский подчеркивал, что научная творческая мысль нередко выходит за пределы логики (включая диалектику), ибо последняя не может схватить все изучаемое в мире. Отсюда огромное значение интуиции, вдохновения в научных открытиях. Маститый академик, не боясь об-

винений со стороны идеологических цензоров, призывал «усилить наше научное внимание ...к вненаучным, внерациональным формам, в частности, к «опыту» древней и новой индийской (вообще восточной) философии» [5, с. 464]. Об этой тенденции современной науки убедительно пишут и некоторые современные авторы [6, с. 36].

В работах же Гумилева явно просматривается отмеченный внерациональный компонент, который ярко выражен в его построениях, основанных на интуиции и творческой фантазии. Произведения Гумилева может быть потому так привлекли массового читателя, особенно молодого, что они отличаются не только яркой формой изложения (почти художественной), своеобразным языком, но главное — свободны от «тяжеловесного», дискурсивного метода доказательства выдвигаемых положений. Все это с лихвой компенсировалось интуицией, вдохновением, творческой фантазией.

В творчестве Гумилева отразилась переломная эпоха, характеризующаяся сменой парадигм в науке, стилей научного мышления и даже стилей изложения. Гумилев не мог не видеть, что стиль научной литературы стал существенно изменяться. В частности, в академических изданиях философская публицистика все активнее стала наступать на сугубо академический, тяжеловесный, терминологически часто искусственно усложненный стиль изложения, как правило, непонятный неспециалистам. Гумилев же писал свои научные труды ясным, емким, почти художественным языком. Причем без утраты научной глубины и доказательности.

Итак, завершая рассмотрение учения Л. Н. Гумилева в контексте развития науки XX в. — неклассической и постнеклассической, можно прийти к выводу, что оно аккумулировало в себе все основные тенденции научного познания современности. Но при этом оно отнюдь не является эклектичным, а представляет собой концептуальную целостность.

Как и все научные теории, учение Гумилева, конечно, не свободно от недостатков и недосказанностей, что можно также видеть на примере учений Дарвина, Менделеева, Эйнштейна и многих других гигантов науки. К сожалению, и сейчас некоторые оппоненты ученого, будучи не в силах аргументированно опровергнуть его научные построения, высокомерно объявляют их «гумилевщиной», т. е. наукообразной, хотя и увлекательной псевдонаукой, а то и просто «бредом» [7, с. 11]. Критики Гумилева было так много, что из-за нее долгое время не было видно положительное и ценное в его учении. Мы полагаем, что уже давно наступило время, чтобы максимально объективно и беспристрастно разобраться в существовании оригинальной научной концепции, которую создал самобытный русский ученый и мыслитель Лев Николаевич Гумилев.

Литература

1. Сергеева О. А. Л. Н. Гумилев и научные тенденции XX века // Вестник МГУ. 1998. Сер. 7. № 6. С. 71.
2. Кедров Б. М., Григулевич Н. Р., Кривелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородея «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. 1982. № 3. С. 88–91.
3. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. 896 с.
4. Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1996. С. 298–299.
5. Янов А. С. Лев Гумилев // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 105.

6. Вернадский В. И. О науке // Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна, 1997. Т. 1. С. 464.

7. Романовская Т. Б. Рациональное обоснование вненаучного // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 36.

8. Семенов Ю. И. Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 10–11.

LEV N. GUMILYOV'S PHILOSOPHICAL CONCEPT
IN THE CONTEXT OF MODERN SCIENCE

Natalya G. Lagoyda

Cand. Sci. (Philosophy), A/Prof. of Department of Social Work Theory,

Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: aspdep08@mail.ru

The article analyzes the originality of Lev N. Gumilyov's creative activity at the intersection of humanities and sciences, his innovations. We emphasize that Gumilyov's scientific and theoretical oeuvre reflects a turning period, characterized by changes of paradigms in science, styles of scientific thinking and narrative styles. It is noted that the scientist adhered to the principle of methodological pluralism, and this was especially evident in the post-perestroika years of the coming publicity and pluralism of opinions in science. The doctrine of Lev N. Gumilyov accumulated all major trends of modern scientific cognition, it by no means eclectic, but represents a conceptual integrity.

Keywords: ethnic group; ethnogenesis; passionarity; philosophy of history; non-classical science; post-non-classical (modern) science; synergetics; pluralism; creativity; originality.